

Сергей Триумфов

НУДИСТСКИЙ ПЛЯЖ

Юмористические рассказы

Сергей Триумфов

Нудистский пляж.

Юмористические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48711292

ISBN 9785005081957

Аннотация

Если кто-то, прочитав эту книгу, улыбнется, у него поднимется настроение, я буду рад. Потому что такой ерунды, как грусть, проблемы, плохое настроение, в этой жизни не только для нас достаточно, но, кажется, этот багаж мы заберем и в следующие жизни. Чем чаще мы улыбаемся, тем меньше проблем к нам пристает. Лучше один раз посмеяться, чем три раза поплакать. «Улыбайтесь, господа. Улыбайтесь». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

НУДИСТСКИЙ ПЛЯЖ	5
ЖИВИТЕ ВЕЧНО	9
Живой труп	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нудистский пляж

Юмористические рассказы

Сергей Триумфов

© Сергей Триумфов, 2019

ISBN 978-5-0050-8195-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НУДИСТСКИЙ ПЛЯЖ

Все почти двадцать пять лет нашей семейной жизни я была уверена, что муж не изменяет мне. А теперь две недели в каждой встречной девушке я вижу измену. По секрету соседка мне сказала, что она встретила его на нудистском пляже.

– Катерина, не представляешь, мудя раскинул и лежит, как молодой, – описывала мне соседка. – А кругом девочки юные, тела точеные. Задницей виляют, словно хвост им прищемили. Им же, блядушкам, наплевать, если мужик женатый. А твой лежит и отросток на солнце греет. А не понимает, что чем больше пузо, тем достоинства меньше.

Конечно, после этого я две недели спала одна и ему не давала. Меня словно бы раздели и показали всем всё, что видел только он один и моя родная мать. До этого срамного пляжа он вроде бы был моим, а теперь не представляю, как он ползет в меня тем, чем все уже, хотя и глазами, Бог даст, но попробовали. Я же потом не отмоюсь никогда. Заразу легко занести, отмыться трудно.

С одной стороны, завидует не только трава пальмам, но и соседка соседке. А вдруг она ошиблась, голодной бабе и негр кажется мужчиной. За двадцать пять лет нашей жизни он у него никогда не хромал. Всегда умел устроить праздник одиноко зудящим ногам. Да еще какой. После него все

мужики мне казались недоросшими стручками. Но с другой стороны, если у него стоит, то почему я думаю, что только для меня? Мужик же начинает соображать не тогда, когда сунул, а только после этого. Им же правит не мозг, а флюгер в штанах: на кого встал, за тем и побежал.

Короче, я должна сама всё проверить. Но для этого я должна пробраться на нудистский пляж. А как же мне там раздеться? Мне, наверное, проще, чтобы в темноте меня трахнул десяток мужиков, чем показывать всем то, о чем знаю только я сама. Секреты должны принадлежать только одному человеку, только он имеет право пользоваться ими и сохранять их, а за это его и ценят. А мое тело секрет, о котором мечтают не только одни пенсионеры. Если бы я разделась, то очередь в мавзолей сразу бы уменьшилась до двух импотентов. Не для того я грудь столько лет выращивала, чтобы ее облизывали похотливыми взглядами прыщавые подростки, и вообще, мое тело – не черешня на рынке, чтобы каждый, кто захотел, мог бы попробовать. Конечно, раздеться мне не сложно, а плохо станет тем, кто увидит меня обнаженной. На пляже они никогда меня не увидят обнаженной, сколько бы они ни облизывались. Чадру надеву до пяток, я уж смогу прикрыть все свои грешные места от всех ваших похотливых взглядов.

К выходу на нудистский пляж я подготовилась лучше экспедиции Седова на Северный полюс: темные очки, шляпа, как гнездо орла, три купальника (один на мне, а остальные

на всякий случай) и какая-то пожелтевшая экономическая газета, с которой и в туалет ходить скучно, но в которой было много страниц. Сарафан я купила новый, чтобы, не дай Бог, меня кто-нибудь не узнал из знакомых. Место заняла пораньше и повыше, чтобы видеть всех и вовремя смыться.

Ну что я могу сказать, девки там тощие: сиськи от ветра колышутся, соски, как вишневая косточка, а задница меньше мишени в тире. Если бы я была мужиком, то мой флюгер показал бы в противоположную сторону. Или замер бы на всю жизнь на полшестого. Но все равно начали подваливать мужики, иногда даже пузатые. А моего всё не было и не было.

Я надела темные очки, застегнулась на все пуговицы и спряталась за газетой.

Когда я увидела подходящего с удочкой соседа, Кирилла Ивановича, мне захотелось вскочить и закричать: «Это не я! Вы меня перепутали!» Но может, он меня не заметит. Я натянула шляпу и развернула газету, как плакат, насколько хватало рук. Шаги остановились как раз возле меня. И почему я не крот, чтобы сейчас же зарыться в землю?

– О чем в прессе пишут? – ласково спросил он.

– Про этот, как его, мировой кризис, – выпалила я и зачем-то добавила, – негры в Америке бастуют.

– Это с ними случается, – понимающе произнес он. – Только, Катерина Николаевна, вы газету вверх ногами держите.

Дурак, он совсем не подумал, что я и не собиралась читать его газету. Это же было мое прикрытие... от загара, например.

Потом подошла соседка: «Ах, какой у тебя красивый новый сарафан. Где купила? Но ты же говорила, что никогда на этот пляж не ходишь...»

После третьей встречи я накрылась газетой и выползала. Очки потеряла, а купальник, как экскаватор, зачерпнул тонны два песка, и всё равно, когда возвращалась, все знакомые улыбались или с пониманием, или с сочувствием. А наиболее смелые спрашивали, когда я еще пойду на нудик, и просили, чтобы взяла их с собой.

После этого я оценила храбрость своего мужа и разрешила ему то, чего он был лишен две недели. И он отработал эти две недели и еще на три вперед. Такой праздник получило мое тело, что душу вынесло сквозняком до следующего утра. Не зря я ходила на нудик. Приятную и нужную вещь все-таки придумали какие-то сумасшедшие со своим раздеванием.

ЖИВИТЕ ВЕЧНО

Роза Абрамовна и Иван Борисович любили погулять по улицам старой Москвы. В этот день они решили поехать в район Бакунинской улицы, где ровно пятьдесят лет назад они встретились. Конечно, там не осталось тех лавочек, на которых они сначала обнимались, а потом и целовались. Но продолжали стоять плоские коробочки пятиэтажек с угловыми балконами и выносными лифтами. Июньский ветерок чистил пористую кожу асфальта белой пеной тополиного пуха, и она, вдруг приподнявшись от порыва, неуверенно и испуганно пуховым воротником основания бордюров. Эта была та старая спокойная Москва, в которой их будущая жизнь, казалось, всегда будет молодой и бесконечной.

Они даже чуть поспорили: она утверждала, что он первый раз поцеловал ее на улице Фридриха Энгельса, а он возражал, что на этой улице у него не хватило решимости и потенции.

– Это первый раз случилось на Почтовой в кустах сирени, – уточнил он.

– В кустах сирени? Там ты первый раз просто ко мне прижался и так косолапо, что чуть не уронил меня на клумбу.

– Да прижиматься я к тебе стал еще раньше в трамвае и в метро, когда провожал тебя до дома. Ты просто этого не замечала.

– Я так и знала, что ты похотливый маньяк. С кем я связала свою непутевую жизнь?

Последнее время они старались не говорить о будущем, которое казалось не таким ярким, как оставшееся позади прошлое.

Возле метро как всегда было многолюдно. Люди, как мотыльки перед светом, зигзагообразно мелькнув, тут же исчезали в толпе. Иван Борисович даже на время потерял свою жену. Растеряно потоптавшись у входа, он уже собрался отправиться на поиски, как увидел ее, разговаривающую с молодым человеком. В нем что-то казалось неестественным: то ли слишком легкие светлые волосы, то ли свекольно румяные щеки, от ли безбрежно-необоснованный энтузиазм.

«Ну вот, – подумал Иван Борисович, – стоило мою красавицу оставить на минуту одну, как тут же отхватила молодого человека. А про меня еще говорила, что я маньяк похотливый. Впрочем, – успокоил он сам себя, – мужики с такими волосами рано лысеют».

Между Розой Абрамовной и красавцем стоял стенд с фотографиями могильных памятников.

– Я тебя потерял, – недовольно произнес Иван Борисович.

– Посмотри, что я нашла. Тебе такой нравится? – не обращая внимания, с восхищением произнесла жена, ткнув пальцем в черный монолит на фотографии.

– Если это надгробие для меня, то ни одно не понравится.

– Почему для тебя? Размечтался. Для нас с тобой.

Женщину нельзя подпускать к местам любой торговли ближе, чем расстояние их видимости. Даже в спящем муравейнике людей, где пуговицу расстегнуть не возможно, она все равно отыщет место, где кто-то что-то продает, и даже если ей это будет не нужно, она станет прицениваться и торговаться.

– Понимаете, – обратилась она к красивому продавцу памятников, – у нас дети живут за границей. Если с нами что случится, когда им заниматься этим вопросом. А землю мы уже купили. Чтобы их не беспокоить, нам хотелось бы и памятник подобрать.

– Пойдем домой, – неуверенно и без особой надежды предложил Иван Борисович.

– Ты ничего не понимаешь.

– Зато ты великий специалист по надгробиям.

– Дело не в этом. Помнишь, как ты сопротивлялся, когда место на кладбище покупали? Говорил: да еще рано..., о смерти раньше времени нельзя думать... А я тебе скажу: после смерти уже будет поздно думать. Земля, которую мы с тобой купили, уже стоит раза в три дороже, если она вообще осталась.

– Но можешь мне поверить, что эти памятники никогда не раскупят.

– У меня еще в альбоме есть фотографии, оживился продавец, чувствуя, что покупка может сорваться. – Вы можете предложить свой вариант, но это будет стоить несколько до-

роже.

– Нет-нет, нам не надо слишком дорогой. Думаю, мы выберем из этих вариантов, – уже машинально ответила Роза Абрамовна, все больше погружаясь в фотографии.

Чтобы сбить пыл жены, Иван Борисович задавал каверзные вопросы типа: сколько стоит, возможность установки, про гарантию, но увлеченность жены они не могли поколебать.

Наконец выбрали памятник из черного гранита со скошенным верхом.

– Теперь нам надо сочинить надпись, – сообщил продавец, взяв помятую тетрадку и ручку. – Что напишем: обычное «Дорогим родителям», или что-нибудь поэтическое «Реальность, что ты делаешь» или с намеком на бесконечность «Живите вечно», или душевное «Отныне вы душе своей изменники», или жизнеутверждающее «Дай вам Бог стойкости, мужества и добродетели»...

– Что-то мне последнее совсем не понятно, – Роза Абрамовна посмотрела на мужа, и, обратившись к продавцу, спросила, – А этого мужества и добродетели кто кому желает?

– Обычно живые желают почившим, – неуверенно ответил молодой человек, и его щеки еще сильнее покраснелись.

– Такое впечатление, что мы в этом мире что-то натворили и там нас ждут не райские кущи, а раскаленная сковородка.

– Но вы можете сами что-нибудь придумать, если вам не нравятся трафареты.

– А без этих эпитафий можно обойтись? – спросил мрачно молчавший Иван Борисович. – Мне кажется, что мы их не заслужили.

– Можно, – ответил без энтузиазма продавец, – только мне все равно нужны ваши данные.

Роза Абрамовна бойко продиктовала имена, отчества, фамилии и даты рождения и замолчала.

– А дальше? – спросил молодой человек.

– А что дальше? – не поняла Роза Абрамовна.

– Ну, а даты смерти.

– Мы как-то об этом еще не думали, – неуверенно ответила она, и спросила у мужа, – Разве это мы можем знать?

– У каждого человека, если он родился, должна быть дата рождения и дата смерти, – настаивал продавец. – Вы же не родственники Дункана Маклауда.

– А без дат можно обойтись?

– А кто же вам тогда будет переделывать? Все всегда пишут дату рождения и смерти. Так положено. Иначе никак.

Старички некоторое время о чем-то совещались.

– Оказывается, мы совсем не готовы ответить на ваш вопрос сейчас. Давайте, мы подумаем, еще проживем. Кто мог подумать, что заказать памятник так сложно.

– Это ваше дело. Думать можно сколько угодно, только хочу вас предупредить, что к зиме цены вырастут.

– Кто мог бы подумать, что это так сложно, – вздыхала Роза Абрамовна, когда они шли к метро. – Вот, помнишь, мы же землю покупали, но нас же почему-то не спрашивали, когда мы займем место.

Не расстраивайся дорогая, – уже бодро успокаивал ее Иван Борисович. – Это хорошо, что мы не знаем дату своей смерти. Значит, мы бессмертные.

Живой труп

– Кто ж не хочет, – философски ответил Егор, – только у меня денег нету.

– У меня есть. Сейчас бабке Чернухе дрова на тракторе забросил. Пятьсот рублей дала, а хотела за двести. Ей уж помирать через два с половиной дня, а все на похороны копит. На такие сбережения, небось, ее можно каждую неделю в течение года хоронить да еще на тот свет хватит, чтоб на лапу сунуть небесному чиновнику. А сверху на мавзолей еще останется. Пошли к Вэкапэбэ.

Не- а, к Вэкапэбэ я не пойду, – неуверенно упирался Егор. – Я ему должен.

– А если к Нюрке в магазин, то она точно меня сдаст. И моя меня из- под земли достанет. У нее нюх как у розыскной собаки. И тогда ни денег, ни кайфа не получишь, кроме писдонов в шикарной упаковке: без ограничений и без всяких норм приличий. Тогда уж не ООН, не Европейский суд не поможет. Что ты, как ц...а на сучке качаешься. Пошли.

Вэкапэбэ ничего в жизни не делал, но у него всегда водились деньги. Во времена СССР он являлся освобожденным секретарем партячейки. Наверное, он был неплохим секретарем, потому что никому наверху не приходило в голову его заменить. С тех пор за ним закрепилось прозвище «Вэкапэбэ». После распада он превратился в глубоко верующего

человека. Научился креститься, посещал все службы, даже пробовал петь в церковном хоре. Но, очевидно, способности и опыт парторга негодились на клиросе, и он стал обычным и добросовестным прихожанином. От сельчан его отличало обособленное одиночество и индивидуальная жадность. Но в отличие от всех рядовых жителей он умел гнать самый светлый на селе самогон. Если человек талантлив, то талант не может принадлежать только хозяину и должен обязательно стать достоянием тех, для которых и породила его судьба.

– Вам чего, – спросил высунувшийся череп с седым мелкотравием на голове.

– Бутылку самогона, – сказал Федор. – И закусить.

– В долг или наличными? – голова посмотрела во все стороны и, убедившись, что посторонних нет сказала: «Заходите и быстро».

Вэкапэбэ провел их на кухню. В доме пахло давно нестиранной постелью и живыми мышами.

– Сам будешь? – спросил Федор, открывая бутылку.

– Мне нельзя, я человек верующий. Но если за компанию, то чуток попробую с вами.

– Что же ты, председатель церковного насеста, свой самогон не пробовал? – вспылил Егор. – На нас эксперименты хочешь ставить?

– Егорушка, вот видишь, я вместе с вами.

– По радио говорят, что сегодня – день повара, – вмешался

Федор. — Давайте, выпьем за капитанов нашего желудка.

Первая оказалась долгожданной и естественно незабвенной. Вторая принесла облегчение. Маленькая кухонька стала сразу удобной и уютной, как капсула для космонавтов. Дольки порезанного соленого огурца, как каноэ, лежали в лужах собственного сока. Черный хлеб жирным лоснящимся пластом чернозема требовал повторить.

Теперь уже запах дома превратился в обычный воздух, которым можно спокойно дышать, словно ты вышел из сортира в чистое поле.

То ли расслабившись, Вэкапэбэ забыл перекрестить третью рюмку, то ли Егор был слишком любопытен, то ли еще мало выпили, но разговор не хотел занять наезженную колею расслабленной болтовни, о которой бы завтра никто и не вспомнил.

– Скажи, Иваныч, любимец всех богов, – обратился Егор к Вэкапэбэ, – какому богу ты сейчас служишь?

– Егорушка, у нас один бог.

– У нас один, а у тебя получается два, а, может, и больше. В сэсээр у тебя Ленин с Марксом на стене висели, а теперь вон иконки по углам. На хер ты нас беспартийных на все собрания заставлял приходить. Помнишь, как кричал, что если ты не член, то и будешь никем. Ты мне скажи, как коммунизм на рай можно поменять? Или там, наверху, у них кабинеты через стенку?

– Егорушка, – шепелявил Вэкапэбэ, – пойми, мировоззре-

ние может меняться. Это диалектика.

– У тебя, может быть, диалектика, а у меня вот есть баба. Я вот ее вроде бы люблю. У меня для нее много всяких чувств имеется внутри. Я ее терплю, потому что у нее мозговых загибов столько, что на всех бы олимпиадах по странностям у нее были бы медали. Да, бывает, изменю, схожу налево. Попарю своего малого в чужой бане, но домой все равно возвращаюсь. Я ее терплю, а она меня. У нас рай и коммунизм здесь и сейчас в одном сникерсе.

– Пойми, Егорушка, – пытался объяснить Вэкапэбэ, – вера в бога – это духовная потребность. Раньше я этого не понимал, а теперь жизнь у меня изменилась.

– Давайте лучше выпьем, – прервал разговор Федор. – Иваныч, вот тебе деньги за три штуки. Еще одну здесь выпьем, а третью на опохмелку с собой возьмем.

Пили не спеша, по полстакана, чтобы растянуть удовольствие.

– Вот глист скользкий, – не унимался Егор, когда Вэкапэбэ ушел за бутылками. – Завтра кикимора будет в моде, он и в нее будет верить. Не люблю промокашек.

– Брось. Ты, как баба: здесь люблю, а здесь взбухну. Хотя та сама не понимает, за что и зачем. Не сегодня-завтра, он коньки отбросит. Давай, лучше выпьем, пока его нет.

Выпили быстро и тихо, даже не успев чокнуться, закусив долькой огурца.

– Ты бы сразу сказал, что у тебя деньги с собой, – суетился

Вэкапэбэ, принеся бутылки и нарезая огурцы. – А то приходят, просят: дай и налей, а карманы моль проела. Для хороших гостей – стол, как самобранка.

Еще раз выпили за поваров, потом за мужиков и потом за чертовых баб.

– Ты мне скажи, – снова взял слово Егор, – почему вы ни одного своего бога не можете нормально по-человечески похоронить? Ленин до сих пор на Красной площади страдает, а ваш Иисус вообще из пещеры сбежал. Поэтому и у вас в головах дурдом, потому что порядок вы не можете на земле навести.

– Егор, – сказал Вэкапэбэ, – порядок – это, когда дисциплина. Когда я работал парторгом, у меня была дисциплина, то есть самоограничение сверху...

Вэкапэбэ не успел закончить фразу, схватился за сердце, медленно сполз со стула и упал на пол.

– Слушай, помрет Иваныч, – сказал Федор.

– Ничего. Это самоограничение сверху пришло.

– Надо хоть искусственное дыхание на всякий случай сделать Ты умеешь?

– В армии обучали, но на трупах никогда не пробовал.

– Слушай, у него и пульса вроде бы нет.

– Что же помер старик. Надо только самогонку у него забрать. Чокаться не буду, – Егор налил еще полстакана и выпил.

– Вот ему приспичило не во время. Не мог подождать, ко-

гда мы уйдем. Знаешь, надо зеркало к губам приложить, тогда точно пойдем.

– Где ты видел, чтобы у одинокого мужика в доме одинокое зеркало отдыхало? Дырявые носки скорее всего найдем. У него – одно зеркало на весь дом – в шифоньере, и то все паутиной заросло.

– Точно. Пусть тогда дышит в шифоньер. Бери за ноги.

Они приподняли Вэкапэбэ, поднесли к зеркалу и поставили перед ним.

– Ноги-то отпускаяй, – орал Федор. – Он уже никуда не убежит. Пока я держу, рожу к зеркалу прижимай. Давай быстреей, а то он у меня из одежды все норовит выскользнуть.

– Тебе легко говорить, – ворчал Егор, – а тут голова болтается да нос еще мешается. Ух, шнобель отрастил, как у носорога. Профилем получатся, а передком никак.

– На хрен мне твои профили нужны, ты нос отверни и губами к зеркалу. Забыл, как с Катькой в бане целовался – не профилем же.

– Я там с ней совсем почти не целовался: мне некогда тогда было. У нас, хоть быстро получилось, но очень серьезно, даже сказал бы качественно.

– Мне Катька твоя на хрен не нужна. Я тут с трупом обнимаюсь, а ты мне рассказываешь, как и сколько раз. Из меня совсем вдохновения не брызжет, чтобы слушать про твои банно-половые успехи. Давай, дышите скорее. Ну чего, дух пошел?

– Все, бросай его, а еще штаны спустятся, одевай его потом, – устало, но с облегчением произнес Егор. – Весь дух раньше вышел. Отдышался Вэкапэбэ. Давай, лучше выпьем.

– Но хоть зеркало чуть запотело? – с надеждой спрашивал Федор. – Оно запотело у него лет пять назад, как бабка Нюра померла. На нем пыли, как снега в Арктике: километра на два. Ты скажи, зачем одинокому лысому мужику нужно зеркало? Чтобы расстраиваться? На кой пень ему зеркало, если он только на иконки свои и смотрел? Давай, лучше за упокой выпьем.

– Надо что-то хорошее про него сказать, – предложил Федор.

Они так напряженно замолчали, что стало слышно, как равномерно работает сердце часов в соседней комнаты.

– У меня про него только изжога вспоминается. Никак не мог он понять, что не овощ нужен грядке, а грядка – овощу. Сначала нас доставал своими партсобраниями, а когда нас не стало, бабку Нюру своими богами так занудил, что на пять лет раньше него она представилась. Ведь сначала на исповедь к парторгу ходила, а потом батюшкам про себя все расскажи. При такой жизни разве можно согрешить? А у святых на нашей земле век недолог. Теперь там ее достанет. Но хоть пять лет она спокойно пожила, отдохнула без него, поди, малость, а может быть, и погуляла в волю, – мрачно произнес Егор.

– Но помнишь, как он вел нас к коммунизму? Вроде бы

даже верили.

– При коммунистах он им служил, потом попам, а придут правые, он и их полюбит. Знаешь, как проститутка, кто больше заплатит, тем сильнее того она любит. У ней служба такая: кто платит, тот и танцует.

– Ну, чего ты к нему пристал? Нету его уже. Сам самогон его хлещешь, а его попрекаешь.

– Как так получается, что у руководителей своя диета, а нам – что осталось. Ведь что мне и тебе не положено, то для них деликатесом является. Если мы с тобой вместо огурцов икрой черной будем закусывать, то ее на всех не хватит. Вот икра по правильным ртам и раскладывается. Но за самогон я выпью. Только не чокаемся.

– Чего дальше будем делать? – спросил Федор. – Может, бутылочку возьмем и потихоньку свалим.

– Нет, не выйдет. Наверняка, нас с тобой кто-нибудь уже засек. Тогда точно какую-нибудь статью припаяют. Надо фельдшера и участкового вызывать, чтобы справки оформить. А потом в районный морг везти, чтобы вскрытие сделали. А по такой слякоти только собаки и куры бегают. Ну еще твой трактор пройдет. А если ждать, когда дождь закончится, то он тут закиснет.

– Это я в ковше что ли должен в морг его везти? Приеду и вывалю его, как кучу навоза. У меня трактор, а не катафалк.

– Ну, пока он еще не закоростенел, можно к тебе в кабину

посадить. Ты пьяных, что ли, не возил? А он даже лучше себя вести будет, икать не станет уж точно. Потихонечку, придерживая его, доедешь. Ты же не Шумахер, чтобы гонять. И транспорт у тебя тихоходный. На всякий случай, мы тебе черные ленточки на ковш повесим. А вот оркестр не поместится. Если только из прицепа навоз вывалить, то барабанщика можно будет посадить.

– Да пошел ты... в баню свеклу собирать. Я и троих в кабине возил, но не покойников. Пусть хоть вертолет МЧС вызывают, а я не повезу. Тут сам из кабины чуть не вываливаешься, а меня всю дорогу будет покойник обнимать.

– Да не волнуйся ты. Мы его привяжем, как в самолете ремнями безопасности. Вместо баб голых в кабине будет у тебя за спиной синий смирный покойничек. Согласен, что он не возбуждает так, как телки, но все равно тонизирует. А обратно, если закостенеет, придется уже в ковше...

Егор не успел договорить и придвинулся к окну.

– Твоя Галька что-то по деревне скачет: туда и обратно, – сообщил он Федору. – Не тебя или она ищет?

– А кто ее, пургу, знает, – ответил Федор, занимая у окна наблюдательный пост. Главное, чтобы сюда она не залетела. А то потом будет неделю нервы на собачий хвост наматывать.

– Так она же сюда идет.

– Отыскала, все ж. Слушай, Егор, я в соседней комнате схоронюсь, а ты меня не видел, не слышал и почти меня

не знаешь.

– Иваныч, – крикнула с порога запыхавшаяся Галина, – мой не у тебя случайно задержался?

– Нету его тут, – угрюмо сообщил Егор. – Ни того, ни другого.

– А где Иваныч?

Егор взглядом показал на лежащего на полу Вэкапэбэ.

– В царствие небесное твой Иваныч переселился. Теперь бабой Нюрой, наверно, уже встретился.

– Ой, Господи, горе-то какое. Я вчера еще с ним разговаривала, – запричитала Галина, закусив кончик сбившегося платка.

– Ты вчера, а я сегодня час назад за его живую руку держался.

– А чего-то он такой растрепанный лежит? Мучился что ли?

– Нет, прилично помер. Прилег, заснул и как-то равнобедренно умер.

– А штаны чего сползли по самые некуда, пузо голое?

– Это мы его к зеркалу приставляли, чтобы проверить: не весь ли дух еще вышел.

– Мы – это кто? – насторожено спросила Галина, оглядываясь вокруг.

– Кто, кто мы? – Егор понял, что чуть не проговорился и бешено соображал, кто может быть вторым. – Я и небесные силы. К зеркалу прислонили, а голова не слушается. Пока я

голову ловил, он у меня и выскользнул. Как в жизни, скользкий глист оказался.

– Надо бы его чем-нибудь накрыть. Есть ли тут у него покрывало? – произнесла Галина, оглядываясь. Не найдя ничего подходящего, она собралась зайти в соседнюю комнату.

– Стой, – заорал Егор, пытаясь вытащить из-под стола легкие, но почему-то мало слушающиеся его ноги. – Туда нельзя.

– Почему это нельзя.

– Покойный не велел. Нельзя, и все. Может, у него какие-нибудь эстетические причины на то были.

– Это какие же у Иваныча эстетические причины были?

– Не знаю. Но эту тайну он унес уже с собой. Может, там не прибрано, а может, там любовница...

– Егор, ты уже совсем ошалел от своего самогона. Еще баба Нюра говорила, что у него с революции не стоит. Любовница. – гневно произнесла Галина и шагнула в соседнюю комнату.

Егор, конечно же, готовился к неприятностям, но такого он не ожидал. Из соседней комнаты раздался не крик, а вопль. Галина бросилась к Егору, и уже в его объятиях начала оседать на пол.

– Там, там, – пыталась проговорить Галина, показывая на соседнюю комнату. – Там...

– Ты сначала выпей, – поднес ей Егор стакан самогонки. – Это как успокоительное, как валериановка, но только муж-

ская. Успокойся.

Галина выпила и немного отдышалась

– Я знаю, что там, – попробовал успокоить ее Егор.

Но Галина почему-то отодвинулась от него.

– Ты знал, что там труп?

– Какой труп, – пришла очередь удивляться Егору. –

Он же живой отсюда уходил.

– Я за одеяло потянула, а из под него ноги в черных носках торчат. Мужские.

– Не знаю, но пять минут назад он был еще живой, – Егор не успел договорить, потому что Вэкапэбэ открыл глаза.

– Вы чего так раскричались тут, – недовольно спросил он. – Словно кто-то помер.

Галина в ужасе протянула стакан Егору: «Налей еще своей валериановки». Сначала она сделала предупредительный глоток, потом еще, а после этого на всякий случай опрокинула оставшееся.

– Так ты чего, еще жив? – удивленно спросил Егор.

– А чего со мной может случиться, – буднично ответил Вэкапэбэ, поправляя рубашку и приглаживая редкие волосы. – Малость тут с вами прикорнул, да вы и мертвого своими криками поднимите. Я еще вас переживу.

– Ты живи, сколько тебе влезет, – разозлился Егор, – только чего ты в зеркало не хотел дышать, гриб ядовитый?

– А ты меня об этом просил?

– Нет.

– Ну и вот, мое дыхание принадлежит мне: для кого хочу, для того и дышу. Вот пристал, как банный лист к заднице. Налей мне пол-стакашка, если осталось.

Вэкапэбэ прежде, чем выпить облизал дольку соленого огурца, понюхал и выпил.

– А куда подевался Федор? – неожиданно спросил Вэкапэбэ.

Егор молча кивнул головой на соседнюю комнату.

– Там же труп лежит, – встревожено спросила Галина. – Ты хочешь сказать, что Федор – это он?

Галина рванулась в соседнюю комнату.

– О каких вы трупах все говорите? – спросил Вэкапэбэ.

– Иваныч, – сказал миролюбиво Егор. – Сейчас здесь начнется бухенвальдский набат. Пойдем в твою баньку и та отсидимся.

Вэкапэбэ пытался сопротивляться, но Егор загреб его в охапку, свободной рукой прихватил бутылку и стаканы. В бане они слышали, как из дома доносится женский крик, звенит посуда, словно смерч, образовавшийся внутри, никак не может выйти на свободу.

– Уж больно старается. Передохнула бы маленько, – беспокоился Вэкапэбэ. – Она мне так всю посуду перебьет.

– Основную посуду мы взяли, – ответил Егор, показывая на стаканы. – Вот избушку твою она покалечит. Ты, случайно, самогонный аппарат не застраховал? А то загубит такое цунами живой источник.

– Может в МЧС вызвать?

– И что ты им скажешь? Спасите от бабы самогонный аппарат. Ты лучше помолись. Там быстрее помогут человеческому горю.

Наступила тишина, и на пороге появился Федор с опущенной головой и безвольными руками. За ним шла растрепанная Галина, но явно пострадала не она.

– Пропал мужик, – сказал Вэкапэбэ, смотря в маленькое окно бани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.